

Содержание

- 7 *Михаил Бойцов*. Седьмая книга
- В ПОИСКАХ ЛЕГИТИМАЦИИ
- 14 *Михаил Бойцов*. Бальзамирование знатных мертвецов: у истоков одного средневекового обыкновения
- 48 *Андрей Виноградов*. О праве избрания митрополита Киевского
- 68 *Андрей Виноградов, свящ. Михаил Желтов*. Церковные инновации времен Андрея Боголюбского и их авторы
- 100 *Александра Мамлина*. Образы королевского двора в визуальной культуре дома Висконти
- КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ
- 116 *Сергей Полехов*. «Propter varia signa incognoscibilia et multiplices caracteres paganicas». Двуязычные документы в практике коммуникации Руси с латинским культурным кругом в XIV–XVI столетиях
- 159 *Михаил Дмитриев*. Происходила ли социальная дисциплинаризация в православных приходах Киевской митрополии в XVI столетии?
- ЗАБОТЫ МУДРЕЦОВ
- 190 *Алексей Муравьев*. Философия уединения в мусульманском Андалусе и идеал мутаваххида Ибн Бадджи
- 202 *Светлана Яцык*. Правoverное наставление разума и благотворное воспитание чувств: теория и практика проповеди согласно Иоанну Уэльскому
- 222 *Олег Воскобойников*. Бонкомпаньо, или Радости старости в Италии XIII столетия
- 235 *Бонкомпаньо да Синья*. О бедствии старости и дряхлости
Перевод с латыни и комментарий *Олега Воскобойникова*
- ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ
- 244 *Николай Белов*. Значение славянского перевода для реконструкции текста «Жития Николая Сионского»

257 *Алексей Бармин. Два византийских сочинения о происхождении схизмы: проблемы развития текста*

ОТКЛИК

278 *Сергей Лебедев, Александр Ткаченко. Под эгидой «патронки» Цецилии...*

296 *Список иллюстраций*

299 *Список сокращений*

301 *Указатель имен, понятий и географических названий*
Составители Кирилл Главатских, Дарья Лихачева,
Елизавета Соловьева

316 *Авторы*

318 *Abstracts*

324 *Contents*

Седьмая книга

Лаборатория медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» отдает на суд читателей свою *седьмую* общую книгу¹. Как и во всех предыдущих, в ней сохраняется верность принципу множественности историй, позволившему нам использовать слово «Polystoria» сначала в заглавиях отдельных книг, а теперь и для всей нашей книжной серии.

Хотя слово это звучит вполне постмодернистски, придумали его давно и даже, возможно, изобретали не один раз. Римский писатель III в. Гай Юлий Солин, про которого почти ничего неизвестно, собрал увлекательный труд из рассказов о всевозможных диковинах, раритетах и курьезах, дошедших до него из краев как близких, так и в особенности далеких. Поскольку автор умело перемежал более или менее достоверные сведения о чудесах мира с сущими небылицами, успех его книге был заведомо обеспечен. Ученая публика зачитывалась ею более 12 веков кряду. Знали ее обычно как «Collectanea rerum memorabilium», т.е. «Собрание достойных упоминания вещей», но сам автор, видимо, предпочитал другое название: Polyhistor, тоже ставшее широко известным. Более того, это слово, в конечном счете, вошло едва ли не во все европейские языки, включая русский, и полигистором стали почтительно называть любого универсального ученого,

¹ Предыдущие книги: Средневековая Европа: Восток и Запад / отв. ред. М.А. Бойцов. М., 2015; Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе / отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2016; Polystoria: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2017 (перезд.: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / сост. и отв. ред. Михаил Бойцов, Олег Воскобойников. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. (Polystoria)); Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века / отв. ред. С.А. Яцык. СПб., 2018; Бог, Рим, народ в средневековой Европе / сост. и отв. ред. Михаил Бойцов, Олег Воскобойников. М., 2021. (Polystoria); Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / сост. и отв. ред. Олег Воскобойников, Ольга Тогоева. М., 2021. (Polystoria).

потрясающего широтой и разнообразием познаний — примерно как Гай Юлий Солин².

Однако кто-то из средневековых почитателей творчества Солина решил, что Polyhistor — это и есть имя или же заслуженное прозвище автора, а его сочинение в таком случае должно называться Polyhistoria, что не лишено логики. Некоторым же редакторам или переписчикам пришла в голову блестящая мысль слегка сократить это название, добавив ему тем самым благозвучности. В результате появились рукописи, озаглавленные Solinus de polistoriis³. Отсюда оставался только один шаг до совсем короткого названия, Polystoria, — и он был сделан⁴ (илл. 1).

Попадался ли список сочинения Солина с таким именно названием на глаза скриптору при авиньонской папской курии и библиофилу Джованни Каваллини де Черрони, мы уже никогда не узнаем. Во всяком случае, когда он в 1345 г. или чуть позднее закончил свой историко-антикварный компендиум в 10 книгах об истории и памятниках своего родного города — Рима, Каваллини дал ему название «Polystoria»⁵. Кстати, из пяти старейших рукописей той «Полистории» одна, изготовленная в 1387 г., хранилась с конца XVIII в. и до начала XX столетия в Императорской публичной библиотеке

² А в британском английском языке появилось еще и слово «polyhistory», объясняемое в словаре как «the quality of a polyhistor».

³ См. о рукописи рубежа XI и XII вв. (но с написанным от руки заголовком более позднего времени) из библиотеки Монтекасино: C. Ivlii Solini Collectanea rerum memorabilium / rec. Th. Mommsen. Berlin, 1895. P. XL. Ср.: Venuti M. Pontica: un elegante frammento poetico sulle creature marine (AL 720 R² = FPL² 76 Blänsdorf) // Paideia. Rivista di filologia, ermeneutica e critica letteraria. 2019. A. 74. P. 685–710, здесь P. 689.

⁴ Это весьма известный манускрипт, в 1457 г. переписанный и украшенный миниатюрами падуанцем Бартоломео Санвито по заказу венецианского гуманиста Бернандо Бембо. Сейчас он хранится в Водлианской библиотеке в Оксфорде (Oxford, Bodleian Library MS., Canon. Class. Lat. 161): C. Ivlii Solini Collectanea... P. XLII. Ср.: Pincus D. Calligraphy, Epigraphy, and the Paduan-Venetian Culture of Letters in the Early Renaissance // Padua a. Venice: Transcultural Exchange in the Early Modern Age / ed. by B. Blass-Simmen a. S. Weppelmann. Berlin; Boston, 2017. P. 41–60, здесь P. 50–51 и P. 168 с цветным воспроизведением титульного листа рукописи на илл. VIII. (Contact Zones; 4).

⁵ Полное название в некоторых списках: «Polistoria de virtutibus et dotibus Romanorum ipsorumque imperatoris et pape singularibus monarchiis ac aliis incidentiis eorumdem». См. изд.: Ioannes Caballinus de Cerronibus. Polistoria de virtutibus et dotibus Romanorum / rec. M. Laureys. Stuttgart; Leipzig, 1995. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana). Поэтому появление слова «Polystoria» на титульном листе списка Бембо вовсе не было прихотью оформителя.

в Санкт-Петербурге. Она оказалась среди манускриптов, которые по условиям Рижского мирного договора 1921 г. были возвращены в Польшу, и сгорела вместе с ними осенью 1944 г. при подавлении Варшавского восстания.

Наконец, в третий раз слово «Polystoria» появилось на титульном листе книги в 1880 г. Это были очерки истории европейской словесности в XVII столетии, написанные испанским литературоведом Бисенте Тинахеро Мартинесом. Вряд ли ему доводилось когда бы то ни было знакомиться с трудом Каваллини. Еще менее вероятно, чтобы ему пришло в голову соперничать с Солином: даже самые широкие познания в литературном процессе эпохи барокко не дают оснований для столь самонадеянного предположения. Выходит, в Тинахеро Мартинесе тоже можно заподозрить (очередного) изобретателя слова «Polystoria». Правда, поскольку книга его вышла тиражом всего 50 экземпляров, сделанное им открытие не стало достоянием человечества.

В этом плане Лаборатория медиевистических исследований НИУ ВШЭ за 10 лет существования сделала несравненно больше, хотя куда важнее популяризации удачного слова для нас, конечно, широта взглядов и основательность исполнения публикуемых в «Полистории» исследований. Темы наших работ концентрировались обычно либо у вершин большого европейского треугольника Русь — Византия — Латинская Европа, либо же, что еще более приветствовалось составителями, вдоль его сторон (когда рассматривались те или иные взаимосвязи между вершинами). За пределы этого треугольника мы, бывало, выходили, но недалеко: на Кавказ и в Закавказье, а также к хазарам. Теперь в «Полистории» впервые появился большой сюжет из мира ислама, но ислама, так сказать, западноевропейского: дом у главного героя статьи — философа и политика — был сначала в Сарагосе, затем в Севилье и Гранаде, хотя коварный отравитель оборвет его жизнь все же в марокканском Фесе.

При ближайшем рассмотрении у этого андалусско-магрибского мудреца неожиданно обнаруживается точка соприкосновения с другим мудрецом — англо-французским, отчего рассказы о них и вошли у нас в один раздел. Оба они — люди энергичные, отнюдь не склонные заператься в башнях из слоновой кости, работавшие, что называется,

в миру и знавшие подходы к сильным мира сего. Вместе с тем оба, похоже, осознавали, что им на веку было написано жить среди мерзостей, в нечестивом граде, власти которого вели своих граждан не к общему благу, как должны бы, а к целям совсем противоположного свойства. И тогда философу остается лишь понять, что праведный град он может обрести в себе самом, в собственном мировидении. Философ потому и нуждается в уединении, чтобы умом жить в этом истинном и праведном граде, раз телу приходится коснеть в неправедном государстве. Иными словами, даже находясь посреди самого отвратительного существующего, философ, обладая истинным знанием, может силой умозрения разглядеть совершенное сущее.

Мусульманский мудрец обсуждает эту тему подробно — она им, чувствуется, выстрадана. Христианин же обращается к ней только после рассказа о многих прочих, но зато выстроив на ней заключение — ударную часть проповеди, адресованной, надо полагать, каким-то парижским интеллектуалам — монахам, священникам, а то и прелатам. Он ставит им в пример жизнь древних философов, умевших не только смирать плоть и безропотно переносить несправедливость, но и накапливать мудрость, пребывая в добровольном изгнании. Его «добровольное изгнание» очень похоже на «уединение» мусульманского коллеги, а возможно, даже вырастает из тех же самых античных корней — стоических или каких-либо иных⁶.

Наш третий мудрец — итальянец — ни к уединению, ни к добровольному изгнанию никого не призывал. Зато грустной иронии, а скорее всего — самоиронии, ему как истинному мудрецу не занимать: его эссе о бедствии старости и дряхлости должно понравиться изящной риторикой и краткостью молодому читателю. Тому же, кто приближается к своей итоговой поре или даже в нее уже вступил, для душевного умиротворения лучше перечитать Цицерона.

Из-за этих трех мудрецов мне пришлось начать представление нашей книги сразу с третьего раздела, отнюдь не намекая тем самым, что в первых двух не обнаружится поводов для серьезных

⁶ Напомню, что некоторые философские воззрения второго мудреца уже обсуждались на наших страницах: *Яцык С.А.* Мудрость святых у языческих философов: к эволюции этических взглядов Иоанна Уэльского // *Polystoria: Цари, святые, мифотворцы...* С. 183–204.

размышлений. Напротив, публикации первого раздела, хотя они посвящены разным временам — от поздней Античности до XV в. — и разным землям — Римской империи, Византии, державе франков, Руси и герцогству Миланскому, — вместе побудят читателя, быть может, задуматься над тем, сколько изобретательности приходилось проявлять во все времена и во всех краях, сколько самых разных приемов придумывать и разрабатывать, чтобы выстраивать социальные и политические иерархии. Одни из этих приемов можно назвать скорее институциональными, другие отнести скорее к техникам социальной коммуникации, хотя грань между теми и другими во многих случаях провести трудно. Нет необходимости убеждать читателя «Полистории» в том, что в Средневековье церковные иерархии не уступали по значимости светским и именно митрополитам принадлежало весьма веское слово — притом в делах далеко не только духовных. Соответственно интерес к тому, как люди церкви становились митрополитами (или же, напротив, так и не становились, несмотря на все усилия, как собственные, так и сочувствовавших князей), вполне оправдан.

Во втором разделе книги тема политических коммуникаций, пожалуй, начинает преобладать над темой политических институций. Для исследования, открывающего эту рубрику, специальных доказательств на сей счет не требуется: как составление московскими и новгородскими дьяками двуязычных грамот, так и осозанный отказ от них представляют собой, безусловно, весьма значимые коммуникативные практики, которые, впрочем, могут возникать, существовать и развиваться только при опоре на прочный институциональный фундамент. Со второй публикуемой здесь работой — сложнее, ведь в ней речь идет либо о выстраивании в ходе конфессионализации и Контрреформации новых институтов социального контроля и дисциплинирования, либо же об интенсификации деятельности уже имевшихся. Однако автор прослеживает появление сходных процессов и в Восточной Европе — на части православных земель. Именно что только на части. А это естественно приводит к предположению, что импульс к реформам приходит извне — не потому что их навязывают «оттуда», а потому что «здесь» их стремятся воспроизвести. При такой постановке вопроса реформирование институтов оказывается

функцией от (довольно сложных) процессов коммуникации в рассматриваемом регионе. Разумеется, без переводчиков дело не могло обойтись и в этом случае. Тем более если слово «переводчик» понимать не только в техническом смысле, а шире...

Текстология — дисциплина сложная, но медиевистам необходимая. Для желающих поупражняться в ней у нас найдутся две работы в отдельном (четвертом) разделе.

В самом конце мы печатаем пришедший нам отклик на чужую публикацию. Делаем это впервые и после некоторых колебаний. При всей безусловной пользе академических рецензий регулярно вводить в книгу раздел для них в наших планах не было и нет. Однако почему бы не публиковать время от времени столь же серьезные отклики?

Наш *Liber septimus* получился разнообразным и содержательным. Надеюсь, он окажется небесполезным самым разным читателям — как уже с нетерпением ожидающим новые томики «Полистории», так и не слышавшим до сих пор об этой серии, как тем, кто достиг философского уединения, так и тем, кто живет (телом и душой) внутри града — такого, каков он сегодня.

В поисках легитимации

Бальзамирование знатных мертвецов: у истоков одного средневекового обыкновения¹

Светские мотивы в средневековых похоронных торжествах

Ранние христианские похоронные обряды формировались как полемическое отрицание языческих и иудейских погребальных обыкновений. Пение псалмов, чтение молитв, бдение над мертвым, особая литургия — все это постепенно сложилось в ядро христианских траурных церемоний. Без заимствований из ранних культов, конечно, не обошлось — вспомним хотя бы широкое использование благовонных курений, которые, впрочем, были включены христианами не только в погребальные церемонии, но и в другие культовые действия. То же относится и к использованию огня — в лампах, свечах и факелах. Даже у традиции устанавливать несколько больших светильников вокруг гроба или погребального ложа, хорошо известной по десяткам средневековых миниатюр, похоже, имелись римские корни — судя по рельефу из гробницы Гатериев начала II в.² (илл. 1).

Сами похоронные процессии были нормой, естественно, задолго до возникновения христианства. Правда, в Древнем Риме их изображать не любили, отчего визуальное впечатление о траурных шествиях пока что можно получить по единственному рельефу из Амистер-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Границы светского и церковного в Средние века и раннее Новое время: Русь и Западная Европа», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

² Подробнее: *Rushforth G. McN. Funeral Lights in Roman Sepulchral Monuments // J. of Roman Studies. 1915. Vol. 5. P. 149–164 и цв. илл. IX. Из относительно новых публикаций см.: Vatikanische Museen. Museo Gregoriano Profano ex Lateranense. Katalog der Skulpturen. Bd. 1: Die Grabdenkmäler. T. 2: Die Ausstattung des Hateriergrabes / bearb. v. Fr. Sinn u. K.S. Freyberger. Wiesbaden, 1996. (Monumenta artis Romanae; 24); *Leach E. W. Freedmen and Immortality in the Tomb of the Haterii // The Art of Citizens, Soldiers a. Freedmen in the Roman World / ed. by E. D'Ambra a. G. Metraux. Oxford, 2006. P. 1–18.**

на (илл. 2). Сохранившиеся словесные описания таких процессий тоже оставляют желать лучшего, поскольку относятся лишь к траурным торжествам в узком кругу столичной аристократии³. Конечно, христиане существенно изменили не только символическое содержание, но и внешний облик похоронных шествий — здесь достаточно упомянуть замену хриплого рева бужин (медных труб, согнутых в виде буквы «С») и воплей плакальщиц на распевы псалмов. Однако не стоит представлять себе, будто к какому-то времени сложился некий общий христианский погребальный обряд: ни ранние церковные соборы, ни последующие унифицирующие старания Римской церкви не могли привести к созданию единого похоронного стандарта. Зато, как и во многих других сферах жизни, они задали общую рамку, внутри которой легко находилось место для региональных, локальных и ситуативных особенностей. Контуров самой этой рамки с течением времени менялись. Так, если в ранние времена центром прощальных церемоний был дом покойного, позднее основные действия переместились внутрь храма. Если на рубеже Античности и Средних веков в погребальных церемониях преобладал мотив воссоединения покойного с его небесной родиной, то в позднем Средневековье акцент делался уже на покаянии за совершенные грехи⁴.

Подспудными медленными сдвигами в фундаментальных представлениях о христианине и его месте в церкви дело, впрочем, не ограничивалось. Люди, обладавшие властью и деньгами, всегда находили средства подчеркнуть свое особое положение в обществе не только при жизни, но и после смерти. Христианский похоронный обычай в принципе един что для крестьянина, что для императора. Тем существеннее, на взгляд историка, выявить, какие именно средства находило окружение, например, покойного императора, чтобы на языке знаков, символов и ритуалов выразить, что хоронит оно сейчас

³ См. экспериментальную попытку 3D-моделирования похоронных процессий на римском форуме: *Favro D., Johanson Ch. Death in Motion: Funeral Processions in the Roman Forum* // *J. of the Soc. of Architectural Historians*. 2010. Vol. 69. No. 1. P. 12–37.

⁴ В качестве самого первого введения в проблематику с указанием на базовую литературу по теме см.: *Kaczynski R. Begräbnis* // *LThK*: in 11 Bd. Bd. 2: Aachen bis Bettelordenskirchen. 3. Aufl. Freiburg; Basel; Rom; Wien, 1994. Sp. 146–148; *Begräbnis, Begräbnissitten* / *Biedermann H.M., Hollerweger H., Kocks D. u. a.* // *LexMA*: in 10 Bd. Bd. 1: *Barclay bis Damodos*. Stuttgart; Weimar, 1980. Sp. 1804–1808.

отнюдь не крестьянина. Такие выразительные средства можно разделить, грубо говоря, на две большие группы.

К первой относятся все обычные церковные процедуры прощания с умершим, даже самым заурядным, но только как бы многократно усиленные, гиперболизированные. Так, вместо одной заупокойной службы следовало провести несколько сотен, а то и тысяч, как, например, при погребении императора Фридриха III в 1493 г.⁵ Вместо одинокого приходского священника для участия в похоронных обрядах могли пригласить с десятков прелатов — епископов и аббатов. Кроме них собирали и священников, оставшихся без прихода, а значит и без надежных средств к существованию. За их участие в похоронах князя или короля им полагалась мзда, похоже, весьма ими ценившаяся.

Сходным образом на любых похоронах раздавали милостыню нищим, только при погребении не обычного человека, а правителя одаривали не двух-трех человек, а много десятков, порой сотен. Ожидалось, что и молитв за спасение души покойного будет во много раз больше, чем при обычных похоронах, а ведь молитва бедняка в экономии спасения ценилась особенно высоко. Земное неравенство в точности переносилось в потусторонний мир: располагавшие большими ресурсами могли рассчитывать намного раньше освободиться от загробных мучений. Молитвам благодарных бедняков вторили священники, каноники, монахи и монахини, если покойный делал щедрые вклады в соответствующие церковные институции, а то и вовсе был их основателем. Всем положенным литургическим действиям при прощании с важной персоной придавали особый блеск: священнослужители надевали самые ценные облачения, пел лучший состав церковного хора, восковых свечей (стоивших немалых денег) и факелов сжигали сотни, а публично преподносившиеся храму жертвоприношения оказывались особенно весомыми...

Отношения живых и мертвых, как известно, не завершаются после закрытия могилы. Напротив, тут только и начинается долгий процесс поминовения, требующий организации, а значит, помимо

⁵ Анонимный автор одного из печатных отчетов о тех траурных торжествах подчитал, что за без малого 15 недель, прошедших от доставки гроба в венский собор Св. Стефана до окончания похорон, за упокой души императора отслужили в общей сложности 8417 месс (Kaußer Friderichs besyncknus Zu Wienn. Anno M^occcc^o jm LXXXiii. Augsburg, 1493. Fol. 4v. (Инкунабула GW 10338)).

всего прочего, постоянного финансирования... Иными словами, при погребении сильных мира сего запускалась дорогая, мощная и сложно устроенная машина спасения, работавшая годами, десятилетиями, а порой и веками, тогда как простолюдин мог рассчитывать в лучшем случае на скромную посмертную заботу, посильную его родственникам, друзьям, односельчанам, товарищам по корпорации и т.п.

Вторая большая группа средств выходит уже далеко за рамки собственно *церковных* обыкновений. К ней относятся прежде всего формы подтверждения статуса умершего, выражающие ценности, принятые в его социальном окружении. У правителей эти ценности оказывались, как правило, во многом светскими. Так, на королевских или княжеских похоронах принято было в первую очередь демонстрировать инсигнии покойного — обычно венцы и скипетры (порой могли добавить державу и знак какого-нибудь важного рыцарского ордена) — и нередко его парадные облачения. Все эти предметы могли размещаться на самом мертвце, либо же их проносили в траурной процессии перед покойным (или после него), чтобы потом в храме разложить или расставить их у катафалка или на гробе⁶.

У людей попроче сходную роль мог выполнять, например, «профессиональный» костюм, надетый на покойника либо же публично дарившийся церкви, принявшей к себе бранные останки. При погребении, скажем, юриста покойника могли обрядить в мантию-талар (или же талар на какой-нибудь крестовине торжественно несли перед гробом), а в конце церемонии передать это одеяние храму.

В глазах же знати ее подлинное статусное облачение составляли доспехи и оружие, украшенные геральдическими символами. Местами еще во второй половине XIII в., а с XIV в. уже едва ли не при всех значительных дворах Западной и Центральной Европы в ходе траурных торжеств стало принято подчеркивать принадлежность любого умершего аристократа именно к рыцарству, хотя высшей знати вроде бы

⁶ Подробнее см., например: *Бойцов М.А.* Погребение императора Фридриха III в 1493 г. / публ., пер., вступ. ст. и коммент. // *Сред. века. Вып. 61. 2000. С. 254–289; Bойцов М.А.* Totenfeier für Kaiser Friedrich III.: Die Vorbereitungen des Veranstalters // *König u. Kanzlist, Kaiser u. Papst. Friedrich III. u. Enea Silvio Piccolomini in Wiener Neustadt* / hrsg. v. F. Fuchs, P.-J. Heinig u. M. Wagendorfer. Wien; Köln; Weimar, 2013. (Forschungen zur Kaiser- u. Papstgeschichte des Mittelalters. Beih. zu J.F. Böhmer, Regesta Imperii; 32). S. 281–305.

и не было прямой необходимости идентифицировать себя с простыми рыцарями. Тем не менее эта эгалитаристская линия возобладала — причем отнюдь не только в погребальных церемониях. Не всякий рыцарь был королем, но всякий король считал себя рыцарем и именно в этом качестве хотел быть представлен на собственных похоронах. Прежде всего, траурная процессия, пространство храма, а отчасти даже церковные ритуалы насыщались геральдической символикой. Она присутствовала при погребальных торжествах повсеместно — помимо щитов с гербами ее несли нашлемники, знамена и конские попоны...

Другими статусными знаками становились боевые и турнирные доспехи покойного, его меч (или мечи), копье (или копья) и даже его кони, которых в таких случаях проводили через весь храм — от входа до главного алтаря, — прежде чем пожертвовать их церкви. Мистическое впечатление должно было производить появление всадника, одетого в легко узнаваемые доспехи покойного с его оружием и верхом на его коне. Хотя постановочное явление «ожившего мертвеца» было принято устраивать далеко не повсеместно, при ряде европейских дворов призрачные всадники появлялись на каждых похоронах⁷.

В результате погребение императора, короля или князя оформлялось совокупностью сложных по составу церемоний, в которых светских элементов оказывалось ничуть не меньше, чем элементов церковных. Вспомним, что и упоминавшаяся выше «гиперболизация» сугубо церковных составляющих ритуала представляла собой в действительности скрытую форму вторжения сугубо светского начала в похоронные торжества. Ведь единственная функция всей этой концентрированной «церковности» состояла в том, чтобы выразить особое положение покойного именно в светской иерархии. С течением времени такой «скрытой светскости» в траурных мероприятиях меньше не становилось, а вот вполне откровенно выражавшиеся светские идеи и образы только усиливались. В конечном счете погребение правителя становилось демонстрацией и утверждением общих принципов, далеких по своему существу от собственно церковного содержания похоронного обряда. В самом деле, к последнему не имеют

⁷ См.: Boytsov M.A. Ghostly Knights: Kings' Funerals in 14th Century Europe and the Emergence of an International Style // *Death in Medieval Europe: Death Scripted a. Death Choreographed* / ed. by J. Rollo-Koster. L.; N.Y., 2017. P. 149–163.

прямого отношения ни идея институциональной преемственности (выражавшаяся лучше всего с начала XVI в. возгласами на похоронах французских королей: «Король умер! Да здравствует король!»⁸), ни прославление правящей династии, ни возвеличивание заслуг покойного (погружавшее, кстати, в глубокую тень тему его заведомой греховности — вопреки настойчиво культивируемому церковью настрою на всеобщее покаяние). В XVI–XVII столетиях придворные похоронные торжества будут превращаться в сцены подлинного триумфа, и прославление деяний покойного правителя будет всякий раз затмевать не только его грехи, но даже славу всех его современников и предшественников, вместе взятых.

Все эти наблюдения нужно было здесь привести, чтобы показать масштабы проникновения светских элементов в погребальные церемонии, т.е. именно в тот комплекс символических практик, в котором роль христианской идеологии и церкви должна была бы всегда оставаться главной, если не единственной. Кому как не церкви следовало связывать символически земную юдоль с миром горним и оформлять переход христианина из первой во второй? В итоге, однако, как было тезисно показано на предыдущих страницах, собственно христианские символические действия оказывались потеснены совершенно иными смысловыми комплексами, выходящими на первый план.

Практики сохранения мертвых тел

Происхождение тех комплексов, что были названы выше, вполне понятны, чего не скажешь о ряде других действий, сопровождавших погребения средневековой знати. К их числу относятся прежде всего довольно распространенные процедуры, направленные на сохранение тела покойника. Обозначать все их общим словом «бальзамирование», не сопроводив его комментарием, было бы неосмотрительно.

⁸ Основной работой здесь остается кн.: *Giesey R.E. The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France*. Genève, 1960. (Travaux d'Humanisme et Renaissance; 37). Ранее XVI в. институциональную преемственность тоже умели выражать — но используя иные символические средства. Носители определенных полномочий не прятали (или не ломали) свои инсигнии и не носили (полный) траур. Лучше всего эта практика известна в связи с президентами Парижского парламента, выступавшими в похоронной процессии рядом с королевским гробом в служебных алых мантиях («Правосудие не умирает никогда!»). Однако она, видимо, намного старше, судя по некоторым траурным обыкновениям как в Папской курии, так и при константинопольском дворе.

Во-первых, далеко не во всех применявшихся для таких целей техниках использовались какие бы то ни было бальзамы или иные составы и смеси. Если же, во-вторых, бальзамы, составы и смеси все же применялись, то дело могло идти о двух весьма разных видах действий. В одном случае бальзамами покрывали только поверхность мертвого тела, в другом же мертвеца вскрывали, его внутренности удаляли, а тело обрабатывалось не только снаружи, но и изнутри. Два этих метода (или, вернее, две большие совокупности разных методов) серьезно отличались как исходными установками заказчиков и примененными исполнителями приемами, так и социальными, культурными и собственно церковными последствиями конечной реализации. Достаточно напомнить, что при «бальзамировании второго типа» у мертвеца оказывалось не одно захоронение, а два или даже три, каждому из которых полагалось не только свое надгробие, но и солидный комплекс литургических и околотитургических действий, призванных обеспечить достойное поминовение усопшего.

Естественно возникает вопрос, как произошло включение всех этих непростых манипуляций с телами покойников в христианский погребальный обряд? В конце концов, ни апостолы, ни отцы Церкви не требовали от христиан, чтобы они как можно дольше оберегали от тления бранные останки не только обычных мирян, но даже людей, из общего ряда выдающихся — особым благочестием или же, скажем, высоким социальным статусом. Образ нетленного святого, чье физическое присутствие в общине даже через много лет после его физической кончины (которая, собственно, действительной смертью считаться не могла) хранит общину от бед и способствует ее процветанию, был совершенно чужд классическому римскому представлению о характере отношений между живыми и мертвыми. Уже само появление этого образа стало своего рода революцией, вызвавшей множество последствий — вплоть до трансформации структуры городских поселений, причем не только провинциальных, но и столичных².

Однако, во-первых, останки далеко не каждого святого должны сохраняться нетленными. Во-вторых, нетленность святого — это качество сверхъестественное, даруемое свыше, а не достигаемое людскими

² См. здесь прежде всего: *Браун П.* Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве / пер. с англ. под ред. С.В. Месяц. М., 2004.

ухищрениями. Бальзамирование выдающегося человека может разве что чуть приблизить его к истинной нетленности в наших глазах, намекнуть нам, что и она в данном случае не совсем уж исключена, но никак не заменить ее. В-третьих, не всякая нетленность от Бога, и если обнаруживается, например, прекрасно сохранившееся тело язычника, оно может свидетельствовать о действии темных чар, а то и вовсе какого-либо страшного проклятия.

Тем не менее попытки «организовать» нетленность, видимо, предпринимались многократно. Еще в середине IV столетия в «Житии святого Антония» Афанасий Александрийский осуждает привычки своих земляков-египтян (разумеется, речь лишь о богатых и влиятельных) хранить дома останки благочестивых людей, особенно святых мучеников, не предавая их земле. Египетские христиане якобы совершали над ними заупокойную службу и обвивали их пеленами, но не хоронили, а возлагали на ложа и берегли у себя в домах, «думая, что этим воздают чествование отошедшим»¹⁰. Очевидно, что прежде чем поместить покойника на ложе, его бальзамировали, а не просто пеленали. Понятно также, что странное на сегодняшний взгляд обыкновение оставлять почетных мертвецов без погребения могло распространиться прежде всего (если не исключительно) в Египте, поскольку именно там был накоплен многовековой опыт бальзамирования умерших и именно там имелось достаточно мастеров, способных выполнить многочисленные заказы по сохранению ценных покойников, поддерживав тем самым давнюю традицию, так возмущившую Афанасия Александрийского. Зато осуждения бальзамирования как такового, даже предполагающего вскрытие и расчленение мертвеца, в его сочинении не найти. Он нигде не вспоминает слова апостола Павла, назвавшего тело храмом «живущего в вас Святого Духа» (1 Кор 6: 19), еще и сегодня понимаемые как обоснование уважительного отношения к мертвому телу.

¹⁰ См.: PG: in 167 vols. Vol. 26. P., 1857. Col. 968–969 (гл. 90–91). Другие свидетельства о сохранении без погребения бальзамированных тел в частных жилищах состоятельных египтян и, возможно, даже об участии мумий в трапезах живых (если верить Лукиану Самосатскому) собраны в ст.: *Wortley J. The Origins of Christian Veneration of Body-Parts // Rev. de l'histoire des religions. 2006. Vol. 223. Iss. 1. P. 18–19.* Автор полагает, что осуждение Афанасием этого обыкновения направлено против александрийских раскольников-мелитиан (Ibid. P. 21–25). Однако вряд ли одни только эти сектанты продолжали придерживаться ранее повсеместно распространенного обычая.

Бальзамирование (и альтернативные способы обработки мертвых тел) в Библии

Действительно, Афанасию Александрийскому, как и любому христианину — что в его времена, что в Средние века, — было бы не просто отвергать бальзамирование как таковое, поскольку Священное Писание упоминает эту практику, но никак ее не критикует. Более того, соответствующие места можно понять скорее как одобрение посмертного сохранения тел. Прежде всего в Ветхом Завете сочувственно говорится о бальзамировании останков патриарха Иакова: «И повелел Иосиф слугам своим — врачам, бальзамировать отца его; и врачи набальзамировали Израиля» (Быт 50: 2). Здесь даже сообщается одна важная техническая деталь — длительность процедуры: «И исполнилось ему сорок дней, ибо столько дней употребляется на бальзамирование, и оплакивали его Египтяне семьдесят дней» (Там же: 3)¹¹. (В так называемом новом русском переводе формулировка выглядит точнее, чем в приведенном Синодальном: «У них ушло на это сорок дней, потому что таков полный срок бальзамирования».) Согласно Геродоту (II, 86), процесс должен был длиться существенно дольше: только на выдерживание тела в натровом щёлоке уходило, по его мнению, 70 дней. Однако с течением времени технологии бальзамирования в Египте сильно менялись (причем во времена Геродота они были отнюдь не на высоте)¹². Диодор (I, 91) отводит на ту же са-

¹¹ Поскольку для Западной Европы ключевое значение имел латинский текст Библии, см. соответствующее место в Вульгате: «<...> praesepitque servis suis medicis ut aromatibus condirent patrem quibus iussa expleantibus transierunt quadraginta dies iste quippe mos erat cadaverum conditorum flevitque eum Aegyptus septuaginta diebus» (здесь и далее цитаты приводятся по изд.: *Biblia Sacra Vulgata* / ed. R. Weber et R. Gryson. Editio quinta. Stuttgart, 2007).

¹² Из большого числа публикаций, вышедших за последние десятилетия на эту тему, см., например: *Characterisation of Embalming Materials of a Mummy of the Ptolemaic Era. Comparison with Balms from Mummies of Different Eras* / Tchaplá A., Méjanelle Ph., Bleton J., Goursaud S. // *J. of Separation Sci.* 2004. Vol. 27. No. 3. P. 217–234; *Winlock H.E. Materials Used at the Embalming of King* // Winlock H.E. *Tutankhamun's Funeral* / introd. a. app. by D. Arnold. N.Y.; New Haven, 2010. P. 21–66; *Arnold D., Cortes E. Updating Winlock: An Appendix of Recent Scholarship* // *Ibid.* P. 67–79; *Ikram S. Some Thoughts on the Mummification of King Tutankhamun* // *Inst. des cultures méditerranéennes et orientales de l'Acad. Polonaise des sciences. Études et travaux.* 2013. Vol. 26. No. 1. P. 291–301.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru